

Могучий Андрей

22.9.94

ВСЕ ТОТ ЖЕ МОГУЧИЙ.

Сцена с пост. 1994. - драма.

СЦЕНА

Спектакли, поставленные Андреем Могучим, режиссером «Формального театра», всегда немножко премьеры, он умеет преобразовывать в игровую среду любое пространство — будь то Петропавловская крепость, Манеж или Мухинское училище. Недавно полем экспериментов Могучего стала Малая сцена «Балтийского Дома», где «Формальный театр» показал «Лысую певицу» и «Две сестры».

Обе постановки давно входят в репертуар театра и немало способствовали его популярности. Тем не менее интересно было их наблюдать в новом пространстве.

...Зрители, пришедшие на «Лысую певицу», находились на сцене, которая в данный момент вовсе не была сценой. Ее пересекал длинный стол, по обе стороны стола стояли три ряда стульев. Но так как сцена не была сценой в обычном смысле, то и зал не очень-то был залом, вместо него темное, пустое пространство, откуда появлялись странные персонажи. Нормальная, «рабочая» модель перевернутого мира, вполне в духе Ионеско. Умело напомнил шекспировский эпиграф к пьесе: «Жизнь — это история, рассказанная идиотом. В ней много шума и ярости, нет только смысла». Эпиграф реализовался в спектакле последовательно и целенаправленно, с самого начала.

...Долго звучала психоделическая музыка Клауса Шульце, она будоражила и вызывала ощущение непонятной тревоги. Повсюду висели и стояли раздолбанные часы разного калибра. Некто со свечой покойно лежал в гробу. Впрочем, это мелочи жанра: если бы режиссер ограничился подобными «сториодерматическими» игрушками, то и говорить было бы не о чем.

Сюжет тесно пересказывать, пожалуй, бессмысленно. Но следует обратить внимание на жанр постановки, обозначенный как «эрфор-манс». Если учсть, что г-жу Смит играл Е. Ермолин, а г-жу Мартен О. Жуковский, то получалась во всех отношениях недурдмистская провокация той части зрителей, которая имеет привычку заглядывать в программку. Однако и тем, кто в ней из заглядышал, отнюдь не легче было разобраться в сложных метаморфозах «кини» и «кина».

В постановке Могучего классика абсурда обрела почти осязаемую достоверность. Как в кино — только в кино действие происходит на экране, а здесь персонажи находились совсем рядом, при желании даже можно было потрогать их руками. Ост-

рая бредовость происходящего подсказывала, что Могучий увидел г-жу сквозь изощренную призму Бунзеля, скромное обаяние Бранд-Майора (А. Смирнов) напоминало именно об этом. Еще казалось, что зрители тоже пришли в гости к чте Смит.

Одним из основных «формальных» приемов, использованных в спектакле, стало наложение живой речи актеров на фонограмму с идентичным текстом. Вообще здесь можно обнаружить немало коллекционных экстравагантностей: фантомная служанка Мэри (В. Ротанова), на роликах и с корзиной на голове, тот же восстающий из гроба Бранд-Майор, напоминающий своим перебинтованным лицом о золотых деньках канувшего ныне в Лету некрореализма, одиозная чета Смитов и не уступающая ей в одиозности чета Мартенов: как самозабвенно они спешат чувствовать и жить, как много и сочно кричат, спорят, говорят! Верно, когда-нибудь станут носорогами!

Режиссерские приемы Андрея Могучего самоценны сами по себе. Как и тексты Ионеско, они не подлежат логической дешифровке, их смысл в них самих. Могучий отказывается от малейшего правдоподобия и разрушает любые мотивировки. Итогом насыщенного, агрессивного антидействия становится мрачноватая притча о жизни по привычке, о нелепых ритуалах бытия. В финале вновь звучит музыка Шульце, актеры разбирают декорации, сваливают доски в кучу и заколачивают выходы из зала. История закончилась. Жизнь прошла. С шумом и яростью, с разговорами о продуктах, с рассказами черт знает о чем. Густо. Будто бы ничего и не было.

Другой спектакль, «Две сестры», созданный театром по мотивам произведений Тургенева, Бенкета, Чехова, Бергмана и других авторов, прошел на Малой сцене менее удачно. Возможно, режиссер не успел освоить новое пространство. Вяло и чересчур прозаично работали актрицы («спектакль занят» С. Смирнова, В. Ротанова, Н. Жуковская), действие развалилось картически. Слишком много было лыма, зрелище походило на черновой пробгон. Бывает. Неплохой повод для режиссерского самопознания. Однако я уверен, что интерес к «Фоме», «Фоме» театру ничуть не уменьшится. В конце октября театр покажет свой новый спектакль «Орландо Фурнонэ». Произойдет это в том же самом «Балтийском Доме», во время «Фестиваля свободных искусств».

Анатолий ГУНИЦКИЙ